

россиян в изгнании: помимо творчества отдельных писателей и поэтов, также специфику крупнейших центров русского расселения, издательскую и периодическую активность эмигрантов, их интеллектуальную и духовную деятельность, религиозную и философскую мысль. Результаты исследований представляют в многочисленных публикациях и на научных конференциях, посвященных проблемам эмигрантологии.

Польскую традицию изучения русской литературы и культуры, развивающихся за пределами России, поддерживают следующие поколения русистов. Предлагаем вашему вниманию статьи трех литературоведов средней и младшей генерации: Лилианы Калиты из Гданьского университета, Нель Бельняк из Университета в Зелёной Гуре и сотрудника Университета им. Адама Мицкевича в Познани – Наталии Круликевич.

УДК 821.161.1-94. DOI 10.26170/ФК20-04-03. ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,2ю14.
ГРНТИ 17.07.21; 17.07.29. Код ВАК 10.01.08

«РУССКИЙ БЕРЛИН» В ВОСПОМИНАНИЯХ КИРИЛЛА АРНШТАМА

Бельняк Н.

Зеленогурский университет (Зелена-Гура, Польша). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5101-1629>

А н н о т а ц и я . Основной целью статьи является новое освещение вопросов, связанных с причинами эмиграции творческой интеллигенции в Германию в начале 20-х гг. XX в., положением русской колонии в Берлине, сохранением национальной идентичности и адаптационными процессами. Несмотря на огромный корпус разного рода текстов русских эмигрантов первой волны, в которых изображаются берлинские реалии, анализ воспоминаний представителей самого молодого поколения пока не является хорошо изученной темой. Ценность рассказов детей эмигрантов заключается в ином видении немецкой жизни, что бросает новый свет на, казалось бы, хорошо известные явления. И поэтому в центре статьи – поздние воспоминания Кирилла Арнштама, известного французского художника-графика, об его детстве, проведенном в столице Германии.

Линия личной судьбы иллюстратора, несколько раз вырванного из привычной, родной среды, и поэтому причастного сразу к трем разным культурам, соотносится с существенными процессами в русской и европейской истории. Арнштам, называемый «последним художником первой волны эмиграции», приехал в Берлин в начале 1920-х гг. еще маленьким ребенком и провел там более десяти лет. Его приезд совпал со временем самого большого наплыва русских беженцев в германскую столицу и формированием т. н. «русского Берлина» – уникального культурно-исторического феномена. В начале 1930-х гг. из-за быстрого подъема национал-социалистов пребывание в Германской империи становилось все более опасным, поэтому семья Арнштамов переселилась в 1933 г. в Париж.

Пребывание в Берлине нашло отражение в наблюдениях как за жизнью немецкой столицы, так и за живущей там русской творческой интеллигенцией. Воспоминания художника, наполненные подробностями быта эмигрантов и замечаниями о меняющихся немецких реалиях, отличаются необычным подходом к феномену «русского Берлина». Ибо такие вопросы, как формирование уважительного отношения к русской культуре и традициям у самого молодого поколения, адаптационные процессы или встреча с нацизмом, показаны сквозь призму детского восприятия.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Кирилл Арнштам; первая волна эмиграции; русский Берлин; воспоминания; детство; чужая культура; сохранение национальной идентичности; адаптационные процессы.

“RUSSIAN BERLIN” IN THE MEMOIRS OF CYRIL ARNSTAM

Nel Bielniak

University of Zielona Góra (Zielona Góra, Poland).

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5101-1629>

Abstract. The main purpose of the article is a new coverage of the issues related to the reasons for the emigration of the creative intelligentsia to Germany in the early 1920s, the position of the Russian colony in Berlin, the preservation of national identity and adaptation processes. Despite a huge corpus of various kinds of texts by Russian emigrants of the first wave, which depict Berlin realities, the analysis of the memoirs of the youngest generation is not yet a well-studied topic. The value of the stories of children of emigrants lies in a different vision of German life, which throws new light on seemingly well-known phenomena. And therefore, in the center of the article are the late memoirs of Cyril Arnstam, a famous French graphic artist, about his childhood spent in the capital of Germany.

The line of the illustrator's personal fate, several times torn out of his familiar, native environment, and therefore involved in three different cultures at once, correlates with significant processes in Russian and European history. Arnstam, called “the last artist of the first wave of emigration”, arrived in Berlin in the early 1920s as a young child and spent more than ten years there. His arrival coincided with the time of the largest influx of Russian refugees to the German capital and the formation of the so-called “Russian Berlin” – a unique cultural and historical phenomenon. In the early 1930s, due to the rapid rise of the National Socialists, the stay in the German Empire became more and more dangerous, so the Arnstam family moved to Paris in 1933.

The stay in Berlin bore fruit in the form of observing both the life of the German capital and the Russian creative intelligentsia living there. The artist's memoirs, filled with details of the life of emigrants and remarks about the changing German realities, are distinguished by an unusual approach to the phenomenon of “Russian Berlin”. For such issues as the formation of a respectful attitude towards Russian culture and traditions among the youngest generation and the adaptation processes or meetings with Nazism are shown through the prism of children's perception.

Key words: Cyril Arnstam; first wave of emigration; Russian Berlin; memoirs; childhood; foreign culture; preservation of national identity; adaptation processes.

Для цитирования: Бельняк, Н. «Русский Берлин» в воспоминаниях Кирилла Арнштама / Н. Бельняк. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 4. – С. 34–42. – DOI: 10.26170/FK20-04-03.

For citation: Bielniak, N. (2020). “Russian Berlin” in the Memoirs of Cyril Arnstam. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 4, pp. 34–42. DOI: 10.26170/FK20-04-03.

Термином «русский Берлин», «берлинский период русской культуры XX века» или, указывая на особую литературную ситуацию, «русский литературный Берлин» исследователи, изучающие историю русского зарубежья, называют культурно-исторический феномен, образованный в столице Германии в первой половине 20-х гг. XX в. выходцами из бывшей Российской империи [Егорова 2012: 205]. К примеру, Вера Сорокина, указывая на уникальность этого явления, замечает: «Тысячи и тысячи русских – представители „первой волны“ эмиграции: военные, предприниматели, литераторы, художники и просто люди без определенных занятий, оказавшиеся за границей, – формировали в Берлине некую особую общность, своего рода „остров“ русской

цивилизации в центре Европы» [Русский Берлин... 2003: 5].

Среди ряда объективных и субъективных причин, привлекавших русских эмигрантов в Берлин, немаловажную роль играли территориальная близость, кризисное состояние экономики в Германии и высокий уровень инфляции (об этом см. ниже), а также развитая система социального обеспечения. Имели значение также давние и прочные культурные российско-германские связи, относительная доступность германских въездных виз и возможность поддерживать двустороннюю связь с родиной [Шлёгел 2004: 169; Русский Берлин... 2003: 7–9; Гергилов 2015: 266], чему способствовало заключение в апреле 1922 г. советско-германского Раппальского договора

о восстановлении дипломатических отношений и широкого экономического сотрудничества. Убедительным доказательством своеобразной притягательной силы тогдашней Германии было быстро растущее число русскоязычного населения. Итак, если до Первой мировой войны на родине Шиллера и Гете проживали от восемнадцати до двадцати тысяч человек, то в начале 1920-х гг. – уже около миллиона с четвертью, причем в самом Берлине число русских беженцев временами достигало шестисот тысяч человек. Численность русской диаспоры стала снижаться, начиная с конца 1923 г., когда была введена рентная марка, позволившая прекратить гиперинфляцию и сигнализирующая об экономической стабильности страны [Шлэгель 2004: 161, 194; Русский Берлин... 2003: 9; Demidova 2020: 12]. В это время десятки тысяч русских эмигрантов уехали из немецкой столицы, поскольку «Берлин перестал быть городом, в котором за гроши можно было снимать квартиры, покупать дома, вести повседневное существование» [Шлэгель 2004: 194]. Тем не менее, в 1930 г. в Германии осталось сто тысяч русских беженцев, большинство из которых жило в столице.

Бурное развитие книгоиздательской и культурно-просветительской деятельности русской эмигрантской колонии в Берлине¹ вселяло надежду, что именно там можно найти работу по той специальности, которую покинувшие родину имели в России. Поэтому туда стремились среди многих других многочисленных представители свободных профессий: издатели, писатели, публицисты, актеры, музыканты и художники. В первой половине 1920-х гг. в Берлине можно было встретить Андрея Белого, Нину Берберову, Александра Вертинского, Абрама Вишняка, Иосифа Гессена, Владимира Гайдарова, Ольгу Гзовскую, Романа Гуля, Бориса Зайцева, Василия Кандинского, Владимира Набокова, Ивана Пуни, Алексея Ремизова, Федора Степуна, Владислава Ходасевича, Марину Цветаеву, Ольгу Чехову, Марка Шагала, Илью Эренбурга и многих других. Следует подчеркнуть, что берлинский

период жизни оставил след в творчестве многих вышеназванных деятелей культуры и искусства, которые либо создавали мемуарную и автобиографическую прозу, либо оснащали свои стихотворения, рассказы и романы наблюдениями над этим городом. Вспомним лишь такие произведения, как *Зоо, или Письма не о любви, или Третья Элоиза* (1923) В. Шкловского, *Письма из кафе* (1923) И. Эренбурга, *Одна из обителей царства теней* (1925) А. Белого, *Путеводитель по Берлину* (1925) В. Набокова, *Курсив мой* (1969) Н. Берберовой, *Я унес Россию. Апология эмиграции* (1978) Р. Гуля, *Годы изгнания* (1979) И. Гессена или *Дорогой длинно...* (1990) А. Вертинского.

И хотя каждый изображал берлинские реалии по-своему, в большинстве случаев в текстах эмигрантов, как замечает немецкий исследователь Карл Шлэгель, «продолжается линия, которая намечена уже в XIX веке, наиболее ярко у Ф. М. Достоевского. Берлин – серый город наемных квартир, город Гогенцолернов, из которого лучше всего как можно скорее уехать в сторону Мюнхена или Дрездена. После 1918 года Берлин для русских – это город *déjà vu*, которому еще только предстоит пережить собственную гибель. Кое-кто чувствует себя здесь как дома» [Шлэгель 2004: 281].

Стоит заметить, что такое видение столицы Германии, как серого, неприязненного города, характерно для представителей как старшего, так и младшего поколения русских эмигрантов. Причем для старшей генерации русских беженцев Германия была уже своего рода освоенной территорией и культурой, с которыми они познакомились во время совершенных раньше туристических или деловых поездок. Итак, в образе Берлина, запечатленном в поэзии Саша Черного (кстати, получившего в начале XX в. образование в Гейдельбергском университете), выделяются мотивы серости, блеклости, каменности и железности, символизирующие унылость, скуку и безрадостность немецкой жизни [Жданов 2015: 79–84]. В. Набоков, в свою очередь, проживший в Берлине около пятнадцати лет и

¹ Карл Шлэгель в одной из глав (Санкт-Петербург на Виттенбургплатц: столица в эпоху беженцев) своей монографии приводит длинный список действующих в это время в германской столице мер- и предприятий: институтов, издательств, книжных магазинов, объединений, банков, коммерческих союзов, кооператив, благотворительных организаций и т. д. Следует отметить, что многие из них носили временный или эфемерный характер [Шлэгель 2004: 137–198].

создавший там свои первые литературные произведения, местом действия которых нередко является столица Германии, чаще всего рисует лишенные симпатии портреты ее жителей, а сам Берлин предстает перед читателями неудобным, холодным, дождливым городом [NDiaye 2013: 67–78]. Интересно, что оба писателя смотрят на привычную немцам действительность взглядом скитальца, чужака. Они как будто не замечают берлинской культурной и художественной жизни, которую заслоняют каждодневная борьба за выживание и столкновение с вызывающими раздражение и тоску особенностями немецкого мещанского быта. Такой подход, по мнению Николая Рымаря и Светланы Сомовой, свойственен попавшей в Германию интеллектуальной элите русского общества, так как: «для их восприятия Берлина определяющим моментом была ситуация потери родины, кризисное ощущение выброшенности в не свой, чужой мир, стремление не потерять свою идентичность. Эта ситуация определяла психологическую раму восприятия Берлина – города относительно знакомого, но теперь ставшего чужим» [Рымарь, Сомова 2012: 1031].

В этом плане интересно рассмотреть, как воспринимало тогдашний Берлин и русскую колонию самое младшее поколение. Во-первых, в огромном корпусе мемуаров и эго-документов высказывания тех, кто покинул Россию совсем маленьким ребенком, занимают относительно мало места. Во-вторых, рассказы детей эмигрантов отличаются иным взглядом на мир, что бросает новый свет на, казалось бы, уже хорошо известные явления и процессы. В-третьих, значение ранних детских воспоминаний заключается в том, что они являются как частью внутренней жизни человека, так и элементом той реальности, в которой он существует. Большинство исследователей придерживается мнения, что случайных воспоминаний не бывает. «Из бесчисленного множества впечатлений и событий своей жизни человек выбирает для запоминания только те, которые ощущаются им как так или иначе связанные с его нынешним положением» [Галимзянова, Романова 2011: 209]. И поэтому в центре нашего внимания оказались поздние воспоминания Кирилла Арнштама о его детстве, проведенном в столице

Германии. Текст воспоминаний, озаглавленный «Берлин моего детства», написан по материалам беседы, которую провели с художником Мария Васильева и Ирина Тишина, и опубликован в 2012 г. в «Ежегоднике Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына». Помимо своей авто- и биографической значимости, эта беседа мемуарного характера ценна еще и тем, что линия личной судьбы художника соотносится с существенными процессами в русской и европейской истории.

Необходимо представить автора воспоминаний: известный во Франции под именем Сирил Арнстам художник-график, прославившийся иллюстрациями к произведениям Анри Труайя, сотрудничавший с известными французскими периодическими изданиями, чья первая персональная выставка в России состоялась лишь в 2003 г., родился 27 декабря 1918 г. (9 января 1919 г.) в Петрограде в семье мирискусника Александра Арнштама. Иллюстратор, называемый в русских СМИ «самым последним художником первой волны эмиграции», ушел из жизни 22 апреля 2020 г., прожив свыше ста лет. В Берлин семья Арштамов уехала в конце 1921 г. после девятимесячного заключения отца. Арест отца, сотрудничавшего с советской властью и не думавшего раньше об отъезде, Кирилл называет «гримасами времени»: «Гримасы времени: после революции отец оказался востребованным художником в Стране Советов, сотрудничал со многими издательствами, ему доверили оформить Балтийский судостроительный завод, он вместе с группой известных художников создавал эмблему для Верховного Совета РСФСР и в то же время пережил обыски, арест, допросы в ЧК и тюремное заключение. О возвращении в Россию речи быть не могло» [Арнштам 2012: 8].

Приезд Арнштамов в Берлин совпал со временем самого большого наплыва русских беженцев в германскую столицу. В начале 1930-х гг. из-за быстрого подъема национал-социалистов пребывание в Германской империи становилось все более опасным (в первую очередь для тех, кто, как мать Кирилла – Роза, был еврейского происхождения), поэтому многие жившие еще в это вре-

мя на родине Баха и Бетховена эмигранты решались на переезд в другие страны, главным образом, в Париж, куда Арнштамы переселились в 1933 г.

Вспоминая мотивы выбора места жительства своей семьей, Арнштам одновременно называет наиболее типичные для русских эмигрантов, которые были свойственны покидавшим Россию зрелым профессионалам. К ним можно отнести как знание местного языка и культуры, так и более или менее налаженные личные и профессиональные связи, а также относительную простоту получения въездных виз в Германию, что содействовало поездкам для поправки здоровья и отдыха. Арнштамы уехали как раз под предлогом лечения матери. По мнению В. Сорокиной, «в Советской России едва ли можно назвать крупного писателя, художника, артиста или деятеля искусства, не побывавшего в 20-е годы в Берлине или не выезжавшего в этот город в связи с творческой работой» [Русский Берлин... 2003: 7]. Иллюстратор, указывая на благоприятные условия жизни и большие рыночные возможности, позволившие его отцу сразу после приезда найти работу, подчеркивает в то же время, что бывали и такие периоды, когда отец бездействовал: «Конечно, Берлин 20-х годов, с его издательствами, выставками, его интенсивной творческой жизнью, оказался для отца счастливым периодом жизни. Мы, Арнштамы, „забытого“ немецкого происхождения. Отец неплохо говорил по-немецки, с легким балтийским акцентом, и любил вспоминать, что на столе его отца красовался бюст Гете и всегда лежал томик его произведений. До революции мой отец учился не только в Московском, но и Берлинском университете Фридриха Вильгельма» [Арнштам 2012: 8].

В этом высказывании внимание привлекает нехарактерное для русских эмигрантов

восприятие берлинской действительности как «счастливого периода жизни». В некоторой степени это объясняется и тем, что Кирилл Арнштам попал в Берлин в возрасте, который, как правило, называют безмятежным или беззаботным. В это время важным способом знакомства с окружающим миром является игра¹, что неоднократно подчеркивается в рассказе художника. Он вспоминает катание на санках и строение дворцов из снега в городском парке, прогулки в берлинский луна-парк, где отец обожал стрелять в тире по мишеням, или игры в чижа, лапту и бочке с мальчишками на улице. Поэтому неудивительно, что Арнштам сделал следующее замечание: «Берлин стал мне родным городом. Берлин – это друзья, детство» [Арнштам 2012: 13]. Воспоминания о берлинских годах окрашены в теплые тона еще и потому, что художественная карьера юного Арнштама началась именно в Германии: «Даже я попал к издателям – был настоящим вундеркиндом. Однажды мой отец показал издателю журнала „Квершнитт“ мои рисунки (а мне было всего шесть лет) и сказал, что это работы одного знакомого голландского художника. Издатель очень заинтересовался и попросил привести „голландского художника“ для знакомства. В назначенный час отец вошел вместе со мной. [...] Вскоре мои рисунки напечатали, и я стал сотрудником журнала» [Арнштам 2012: 6–7]².

Детское, в какой-то мере идиллическое видение окружающего мира прослеживается также в запечатленных в памяти иллюстратора картинах берлинской жизни после прихода к власти национал-социалистов. Он, правда, осознавал, что атмосфера города стала меняться в эти годы, так как в гимназии одни профессора стали носить нацистский знак и плохо относиться к иностранным ученикам, а другие внезапно исчезали, но как-то особо

¹ Исследователи указывают на игру как на ведущую деятельность для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Лариса Ретюнских, например, делает следующий вывод: «Следовательно, игра и формирует Мир Детства. По мнению Л. С. Выготского, игра является способом организации внутреннего и внешнего опыта для ребенка, школой социального опыта и мышления, сопряженного с творческим решением задач. А Детство, в свою очередь, формирует личность, личность – культуру, культура мир или, по словам Э. Кассирера, символическую вселенную» [Ретюнских 2016: 17].

² Русская искусствовед Марина Магидович замечает, что рисунки Кирилла Арнштама не напоминали детские и уже в июле 1925 г. одиннадцать из них и портрет шестилетнего художника были помещены в берлинском журнале «Bilder Courrier» № 206. Затем с августа 1925 г. по январь 1932 его рисунки регулярно печатались в литературно-художественном журнале «Der Querschnitt». Кроме того, в 1929 г. журнал «Funkstunde» опубликовал шесть репродукций и одну фотографию художника под заголовком «Переживания девятилетнего радиослушателя» [Магидович <http://>].

не опасался. Кстати сказать, в это время Кирилл испытывал лишь страх смерти матери¹, сильно страдавшей от приступов болезни сердца и желудка, а происходившее вокруг политическое возбуждение казалось ему скорее привлекательным, красивым. Ребенку, по своей природе существу играющему², просто занятно было наблюдать за национал-социалистами и другими партийными группами, разъезжающими по городу с флагами во время выборов, или смотреть вечером на победоносное шествие нацистов с факелами после прихода к власти. Следует отметить, что восприятие характеризуется субъективностью, так как одну и ту же информацию люди воспринимают по-разному, в зависимости от своих способностей, интересов или потребностей. Восприятие всегда связано с впечатлениями прошлого опыта, с жизненной практикой, позволяющей познавать окружающую действительность [Соколова 2012: 92]. Итак, свое тогдашнее видение происходящего вокруг Арнштам комментирует следующим образом: «В это время в Берлине мы переехали на новую квартиру, и я видел, как нацисты громили еврейские магазины напротив – я ходил туда каждый день за мороженым. Я воспринимал происходящее как фильм, словно сам был за кадром. Так часто бывает в детстве: какое-то особое, отстраненное восприятие действительности, словно меня это не касается, и даже не приходило в голову бояться» [Арнштам 2012: 13].

Для выходцев из России основополагающим был вопрос о том, смогут ли они в условиях инокультурной, иноязычной и иноконфессиональной среды воспитать подрастающее поколение в традициях русской культуры и языка. Стремление сохранить детей русскими привело к тому, что во всех центрах русской диаспоры создавались учебные заведения с преподаванием на русском языке. В конце 1926 г. в Европе насчитывалось ровно девяносто пять русских школ для почти десяти тысяч учащихся. В Берлине имелись две гим-

назии: школа св. Георгия при немецко-русском Союзе и Частная школа Российского Академического союза, но их посещала лишь небольшая часть детей русских эмигрантов. Основная масса ходила в обычные немецкие школы. В результате исследователи указывают на два противоборствующих направления в эмигрантской среде. Первым было сохранение национального самосознания, обогащение российской культуры, защита родного языка, чему благоприятствовали культурные, научные и педагогические силы эмиграции, а вторым – усиливающаяся под напором среды и социально-экономических обстоятельств ассимиляция и интеграция в «чужое» пространство [Шлэгель 2004: 162–163; Кудряшова 2012: 8–9]. В семье Арнштамов прослеживаются обе эти тенденции: и стремление к сохранению национально-культурной идентичности, и склонность к интеграции в иную среду, что было связано с твердым решением родителей не возвращаться на родину. Автор вспоминает, что его старшие братья, Игорь и Жорж, учились в русской гимназии, зато он ходил в подготовительную берлинскую школу, где не только быстро заговорил по-немецки, но и дружил преимущественно с немцами. Процессу социокультурной адаптации художника к новой среде способствовали приобщение к скаутскому протестантскому движению (УМСА) и участие в организуемых им лагерях. В связи с вышеизложенным встает вопрос о национальной идентичности, очень важный для человека, несколько раз вырванного из привычной, родной среды и поэтому причастного сразу к трем разным культурам. Сам Арнштам дает следующий ответ: «Так получилось, что до школьного возраста я дружил в основном с немецкими ребятами и русских детей почти не встречал. Позже, в берлинской школе, я стал настоящим берлинским мальчиком. Мое детство совпало с этим городом. Но я никогда не чувствовал себя немцем или французом. Я всегда был русским» [Арнштам 2012: 13].

¹ По мнению исследователей, осознание детьми смерти как прекращения жизни происходит в возрасте 5–7 лет. Со временем страх смерти трансформируется в страх смерти родителей. В этом возрасте интенсивно развивается абстрактное мышление, способность к обобщениям, происходит осознание времени и пространства, а также необратимости происходящих возрастных изменений [Авдеева, Кочетова 2008; Хлыста 2015: 2].

² Лев Выготский в одном из своих трудов заметил, что ребенок «всегда играет, он есть существо играющее» [Выготский 2010: 109].

Сберечь чувство русскости на всю жизнь удалось благодаря домашней атмосфере, в которой господствовало преклонение перед русской культурой. Родители художника, несмотря на адаптационные процессы, которые шли у их детей, принимали все возможные меры, чтобы привить им любовь к родине, сохранить знание родного языка и традиционной русской культуры. Арнштам вспоминает, что в детстве ему читали русские книги и стихотворения, а мать пела русские колыбельные и народные песни. Сверх того, к нему приходил русский учитель, который научил его читать и писать по-русски. Правда, художник со временем потерял эти навыки и лишь спустя многие годы стал опять почти свободно говорить по-русски. Необходимо сказать, что домашнее образование детей было возможно и потому, что семья Арнштамов, как и другие русские интеллигенты, покидая Россию, увезла в своих чемоданах то, что, с их точки зрения, было самым важным – вещи, в которых был закреплен русский культурный код. Невольно всплывают в памяти слова знаменитого стихотворения Владислава Ходасевича об инципите «Я родился в Москве. Я дыма...» (1923): «А я с собой свою Россию / В дорожном уношу мешке». О том, что Арнштамы «унесли в своем дорожном мешке», узнаем из слов художника, который заметил: «Папа мне все время читал, рассказывал о своих друзьях из „Мира искусства“ – из России мы захватили открытки с репродукциями их работ» [Арнштам 2012: 14]. Поэтому неудивительно, что любимой русской книгой малолетнего Кирилла был пушкинский «Медный всадник» с иллюстрациями Александра Бенуа.

Погруженности детей в мир русской культуры способствовала также своеобразная открытость дома Арнштамов, в котором бывали многочисленные представители творческой интеллигенции, а также открытость самого города: «Мы продолжали жить русской жи-

зью», – подчеркивает художник. «В это время еще можно было ездить туда и обратно – и в советскую Россию, и из нее. К нам в гости приходили многие известные люди, знакомые отца – в основном те, кто находился в Берлине проездом» [Арнштам 2012: 9]. Итак, можно составить длинный перечень лиц, посетивших Арнштамов. Среди них были, в частности, актеры МХТ (Ольга Пыжова, Георгий Серов, Аким Тамиров, Григорий Хмара), оперные певцы (Георгий Поземковский), режиссеры (Николай Евреинов), педагоги (Елена Антипова), журналисты (Александр Бродский, Виктор Ирещкий) и писатели (Осип Дымов, Валентин Парнах, Алексей Ремизов, Надежда Тэффи, Константин Федин).

В заключение следует отметить, что, хотя о «русском Берлине» сказано уже много, все-таки еще существуют вопросы, требующие если не ответа, то хотя бы нового освещения, на что обращают внимание исследователи. Карл Шлэгель, например, замечает, что мы знаем очень много о литературе и литературной жизни, но почти ничего о других существенных вопросах. «Мы знаем очень мало об эмигрантах в период нацизма в Германии, о совместной деятельности и даже интеграции эмигрантов в немецкую среду» [Шлэгель 2006: 12]. Ответ на эти и многие другие вопросы дает Арнштам, которому удалось передать дух эпохи и запечатлеть детали повседневной жизни эмигрантов. Его рассказ о берлинском детстве – типичный и одновременно уникальный пример мемуарного повествования о «русском Берлине». Типичный потому, что есть в нем моменты, сходные с рассказами других эмигрантов, так как многие проживали тогда единую судьбу. А уникальный потому, что мы получаем возможность посмотреть на давно исчезнувший феномен не только сквозь призму детского восприятия, но и глазами одного из последних очевидцев.

Литература

- Авдеева, Н. Н. Влияние стиля детско-родительских отношений на возникновение страхов у детей / Н. Н. Авдеева, Ю. А. Кочетова. – Текст : электронный // Психологическая наука и образование. – 2008. – Т. 13, № 4. – С. 35–47. – URL: https://psyjournals.ru/psyedu/2008/n4/Avdeeva_Koshetova_full.shtml (дата обращения: 18.08.2020).
- Арнштам, К. А. Берлин моего детства / К. А. Арнштам // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. – 2012. – № 3. – С. 7–14.
- Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский. – М.: АСТ, 2010. – 671 с.

- Галимзянова, М. В. Эмоциональные переживания, связанные с событиями детства и партнерскими отношениями / М. В. Галимзянова, Е. В. Романова // Вестник СПбГУ. Сер. 12. – 2011. – Вып. 1. – С. 209–216.
- Гергилов, Р. Е. Фрагменты литературной жизни «русского Берлина» 1921–1933 годов / Р. Е. Гергилов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Т. 16 (2). – С. 265–276.
- Егорова, Н. А. Четвертая волна, или русский литературный процесс в Германии в конце XX – начале XXI в. / Н. А. Егорова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. – 2012. – № 3. – С. 204–232.
- Жданов, С. С. Образ Берлина в поэзии Саши Черного / С. С. Жданов. – Текст : электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3 (45) : в 3-х ч. Ч. II. – С. 79–84. – URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/20.html> (дата обращения: 06.08.2020).
- Кудряшова, С. К. Российская эмиграция «первой волны»: социокультурные, педагогические и социально-психологические факторы национального воспитания детей и подростков / С. К. Кудряшова. – Текст : электронный // Научный журнал КубГАУ. – 2012. – № 82 (08). – С. 1–14. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-emigratsiya-pervoy-volny-sotsiokulturnye-pedagogicheskie-i-sotsialno-psihologicheskie-factory-natsionalnogo-vospitaniya> (дата обращения: 17.08.2020).
- Магидович, М. Отец и Сын. Две судьбы и два Парижа / М. Магидович. – URL: <http://parij.free.fr/02-Arts/reinture/reinture01.htm> (дата обращения: 17.08.2020). – Текст : электронный.
- Ретюнских, Л. Т. Игра и статус детства / Л. Т. Ретюнских. – Текст : электронный // Проблемы современного образования. – 2016. – № 6. – С. 9–18. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igra-i-status-detsstva> (дата обращения: 15.08.2020).
- Русский Берлин / составление, предисловие и персоналии В. В. Сорокиной. – М.: Издательство Московского университета, 2003. – 368 с.
- Рымарь, Н. Т. Берлин начала 20-х годов XX века в восприятии русской эмиграции / Н. Т. Рымарь, С. В. Сомова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – Т. 14, № 2 (4). С. 1031–1034.
- Соколова, Е. О. О проблеме восприятия действительности и отображение ее в художественных произведениях детей / Е. О. Соколова. – Текст : электронный // Наука и школа. – 2012. – № 5. – С. 91–94. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-vospriyatiya-deystvitelnosti-i-otobrazhenie-ee-v-hudozhestvennyh-proizvedeniyah-detey> (дата обращения: 15.08.2020).
- Хлыста, Е. А. Исследование страхов у детей старшего дошкольного возраста / Е. А. Хлыста. – Текст электронный // Концепт. – 2015. – Спецвыпуск № 01. – С. 1–5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-strahov-u-detey-starshego-doshkolnogo-vozrasta> (дата обращения: 18.08.2020).
- Шлэгель, К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945) / К. Шлэгель; пер. Л. Лисюткина. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 169 с.
- Шлэгель, К. Русский Берлин: попытка подхода / К. Шлэгель // Русский Берлин: 1920–1945 : Международная научная конференция / науч. ред. Л. С. Флейшман; сост. М. А. Васильева, Л. С. Флейшман. – М.: Русский путь, 2006. – С. 9–19.
- Demidova, O. Столица и провинция: эмигрантский вариант / O. Demidova // *Slavica Wratislaviensia*. – 2020. – № 172. – С. 9–21.
- NDiaye, I. A. Berliński kod architektoniczny w twórczości emigracyjnej Vladimira Nabokova / I. A. NDiaye // *Acta Polono-Ruthenica*. – 2013. – № 18. – С. 67–78.

References

- Arnshtam, K. A. (2012). Berlin moego detstva [Berlin of My Childhood]. In *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Sodzhenitsyna*. No. 3, pp. 7–14.
- Avdeyeva, N. N., Kochetova, Yu. A. (2008). Vliyanie stilya detsko-roditel'skikh otnoshenii na vozniknovenie strakhov u detei [Impact of the Child-Parent Relations on Emergence of Fears in Children]. In *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. Vol. 13. No. 4, pp. 35–47. URL: https://psyjournals.ru/psyedu/2008/n4/Avdeeva_Koshetova_full.shtml (mode of access: 18.08.2020).
- Demidova, O. (2020). Stolitsa i provintsiya: emigrantskii variant [The Capital and the Province: Emigrant Variant]. In *Slavica Wratislaviensia*. No. 172, pp. 9–21.
- Egorova, N. A. (2012). Chetvertaya volna, ili russkii literaturnyi protsess v Germanii v kontse XX – nachale XXI v. [Fourth Wave, or Russian Literary Process in Germany in the Late 20th – early 21st Centuries]. In *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna*. No. 3, pp. 204–232.
- Galimzyanova, M. V. Romanova, E. V. (2011). Emotsional'nye perezhivaniya, svyazannye s sobyitiyami detstva i partnerskimi otnosheniyami [Emotions Associated with Childhood Events and Partnership Relations]. In *Vestnik SpbGU*. Ser. 12. Issue 1, pp. 209–216.
- Gergilov, R. E. (2016). Fragmenty literaturnoi zhizni «russkogo Berlina» 1921–1933 godov [Fragments of the Literary Life of "Russian Berlin" of 1921–1933]. In *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. Vol. 16 (2), pp. 265–276.
- Khlysta, E. A. (2015). Issledovanie strakhov u detey starshego doshkol'nogo vozrasta [Exploration of Fears in Senior Pre-School Children]. In *Kontsept*. Special issue No. 01, pp. 1–5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-strahov-u-detey-starshego-doshkolnogo-vozrasta> (mode of access: 18.08.2020).
- Kudryashova, S. K. (2012). Rossiiskaya emigratsiya «pervoi volny»: sotsiokulturnye, pedagogicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie faktory natsional'nogo vospitaniya detei i podrostkov ["First Wave" Russian Emigration: Socio-cultural, Pedagogical and Socio-Psychological Factors of National Upbringing of Children And Teenagers]. In *Nauchnyi zhurnal KubGAU*. No. 82 (08), pp. 1–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-emigratsiya-pervoy-volny>

Бельняк Н. «Русский Берлин» в воспоминаниях Кирилла Арнштама

ny-sotsiokulturnye-pedagogicheskie-i-sotsialno-psihologicheskie-factory-natsionalnogo-vospitaniya (mode of access: 17.08.2020).

Magidovich, M. *Otets i Syn. Dve sud'by i dva Parizha* [Two Lives and Two Parises]. Moscow. URL: <http://parij.free.fr/02-Arts/peinture/peinture01.htm> (mode of access: 17.08.2020).

NDiaye, I. A. (2013). Berliński kod architektoniczny w twórczości emigracyjnej Vladimira Nabokova. In *Acta Polono-Ruthenica*. No. 18, pp. 67–78.

Retyunskikh, L. T. (2016). Igra i status detstva [Playing and the Status of Childhood]. In *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. No. 6, pp. 9–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igra-i-status-detstva> (mode of access: 15.08.2020).

Russkii Berlin [Russian Berlin]. (2003). Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 368 p.

Rymar', N. T., Somova, S. V. (2012). Berlin nachala 20-kh godov XX veka v vospriyatii russkoi emigratsii [Berlin of the Early 1920s as Seen by the Russian Emigration]. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoi akademii nauk*. Vol. 14. No. 2 (4), pp. 1031–1034.

Shlegel', K. (2004). *Berlin, Vostochnyi vokzal. Russkaya emigratsiya v Germanii mezhdum voynami (1918–1945)* [Berlin, Eastern Station. Russian Emigration in Germany Between the Wars (1918–1945)] / transl. by L. Lisutkina. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 169 p.

Shlegel', K. (2006). Russkii Berlin: popytka podkhoda [Russian Berlin: An Attempt at Approach]. In Fleishman, L. S. (Ed.). *Russkii Berlin: 1920–1945: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya*. Moscow, Russkii put', pp. 9–19.

Sokolova, E. O. (2012). O probleme vospriyatiya deistvitel'nosti i otobrazhenie ee v khudozhestvennykh proizvedeniyakh detei [On the Problem of Reality Perception and Its Reflection in Fiction Works by Children]. In *Nauka i shkola*. No. 5, pp. 91–94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-vospriyatiya-deystvitel'nosti-i-otobrazhenie-ee-v-khudozhestvennykh-proizvedeniyah-detey> (mode of access: 15.08.2020).

Vygotsky, L. S. (2010). *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical Psychology]. Moscow, AST. 671 p.

Zhdanov, S. S. (2015). Obraz Berlina v poezii Sashi Chernogo [The Image of Berlin in the Poetry of Sasha Chernyi]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 3 (45), in 3 parts. Part II, pp. 79–84. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/20.html> (mode of access: 06.08.2020).

Данные об авторе

Бельняк Нель – кандидат гуманитарных наук, адъюнкт-профессор, Зеленогурский университет (Зелена-Гура, Польша).

Адрес: Instytut Neofilologii, Uniwersytet Zielonogórski, al. Wojska Polskiego 71a, 65–762 Zielona Góra.

E-mail: n.bielniak@in.uz.zgora.pl.

Author's information

Bielniak Nel – Candidate of Linguistics, Assistant Professor, University of Zielona Góra (Zielona Góra, Poland).